

Предисловие¹

Когда Галине Яковлевне Коган удалось найти и опубликовать мемуары Вольфа Мессинга, то ее друзья в Израиле и в России задались вопросом: а куда же делись первоисточники — дневники «личного телепата Сталина»? Тем более что Абрам Каплун, вывезший рукопись в «Землю обетованную» еще в 1974 году, не раз упоминал о них.

Великое дело — энтузиасты! После кропотливых поисков в Израиле, Германии и Польше «изыскатели» узнали, что дневники Вольфа Григорьевича находятся в Москве, в Центральном архиве ФСБ.

Как они там оказались? Дело в том, что в тот самый день, когда Вольф Григорьевич умер, сотрудники КГБ провели в его квартире тщательный обыск, изъяв и засекретив многие бумаги.

Путем долгих переговоров удалось выйти на одну из сотрудниц архива и упросить ее сделать копию. По вполне понятным причинам имя сотрудницы мы не упоминаем.

Она же обнаружила, что в хранилище ФСБ находятся далеко не все документы из так называемого «Архива Мессинга», — сверка с перечнем показала, что пропала немалая часть. Выяснилось, что документы были похищены еще в начале 90-х годов. Тогда, в пору разброда и шатаний, дисциплина упала даже у чекистов. Одному из офицеров КГБ удалось вынести часть дневниковых записей и писем Вольфа Григорьевича, протоколы экспериментов, доклады сотрудников госбезопасности и многое другое. Некоторые из этих бумаг сотрудник КГБ переслал в Израиль с целью продажи. К сожалению

¹ Предисловие к первому изданию на иврите (*прим. русского редактора*).

нию, сделка сорвалась: «продавец» перестал выходить на связь, и его дальнейшая судьба неизвестна. «Покупатель», гражданин Израиля Биньямин Шимшони, владелец издательства в Тель-Авиве, выждав два года, опубликовал доставшуюся ему часть «Архива Мессинга» в переводе на иврит. Эта книга была переиздана несколько раз¹.

И только сейчас² мы имеем возможность опубликовать полные списки дневников Вольфа Григорьевича — отсутствующую в хранилище (похищенную) часть нам любезно предоставил господин Шимшони.

По словам сотрудницы архива, оригиналы дневников Мессинга — это потрепанные тетради, обычные ученические, пожелтевшие и хрупкие, или общие, в ледериновых обложках. Большая часть, примерно с 1939 года, написана на русском, меньшая, более ранняя, — на польском языке.

Многие фрагменты Мессинг использовал при написании черновика мемуаров (остались пометки на полях), но о некоторых событиях он в своих мемуарах умолчал или подверг беспощадной правке. И это понятно: мемуары пишутся для окружающих, их ближних и дальних, дружелюбных и не очень, а дневники — для себя.

Думается, читателю будет небезынтересно узнать, каков же был Вольф Григорьевич наедине с самим собой, от чего страдал, чему радовался, что в его жизни так и не сбылось.

Дневники публикуются в авторской редакции.

¹ В России она выходила в обратном переводе на русский язык под названием «Магия моего мозга. Откровения «личного телепата Сталина» (Москва, Яуза, 2016).

² Первое издание на иврите было выпущено в 1998 году (*прим. русского редактора*).

24 мая 1920 года. Сувалки

Я умру через 54 года 5 мес. и 18 дней. Моя смерть наступит в 11 часов вечера.

«Ну, ты и влип, Велвеле!»¹ — сказал я себе.

А произошло все как обычно, как уже бывало со мной.

Часа за два до рассвета я проснулся и долго не мог уснуть, а потом вся казарма, весь мир словно канули во тьму, пропали. Было такое впечатление, будто я остался один в черной, гулкой пустоте.

И вот тогда мне было явлено будущее. Словно единственный зритель в безлюдном синемаатографе, я пялился в экран, вот только показывали не фильму, а мою жизнь.

Когда я очнулся, сердце громко стучало, а лицо было липким от пота. Приподнявшись с постели, я рухнул обратно на койку — изнемог совершенно, словно весь божий день вкалывал, не приседая.

Страх, дикий страх накатил — и оставил меня. Я даже захихикал, как дурачок. (Нервное.)

Чего мне бояться? Что помру полвека спустя? А я разве бессмертен? Или не знал, что люди имеют обыкновение стариться, частенько не дотягивая и до седьмого десятка? Как говорила моя бабушка Рейзл, «человек рождается от матери, а умирает сам».

Да наоборот, я радоваться должен столь долгому сроку!

Значит, я не скончаюсь от рака в тридцать с небольшим, как наш сосед Янек, меня не убьют, не переедет машина. Я тихо отойду в мир иной.

¹ Настоящее имя Мессинга — Велвел («волчонок» в переводе с идиш). Велвеле — уменьшительное от Велвел (*прим. русского редактора*).

И, быть может, смерть — вовсе не конец, а начало?

Я не верю в Иегову, Саваофа или Аллаха — это все убогие образы Создателя, возникавшие в воспаленных мозгах кочевников, наивные потуги познать божественную сущность по людскому подобию.

Я просто знаю, что Он есть. Господь. Творец. Вседержитель.

И он вовсе не таков, каким малюют его на иконах или на полотнах, — Бог непознаваем и непредставим. И не дано человеку понять Его, как нельзя узреть всю Землю разом, стоя на карачках посреди огородных грядок. Копошиться в навозе и прахе — вот наш удел.

Далее в тексте добрых полстраницы густо зачеркано¹.

30 мая 1920 года

Я сейчас поймал себя на том, что не просто пишу записки, а подыскиваю нужные слова, стараюсь повествовать искуснее, словно сочиняю рассказ о Велвеле из Гуры² на потеху толпе.

И в этом весь я — хилый, тощий, нескладный, близорукий.

Если я слышу хохот за спиной, то деревенею, принимая насмешку на свой счет. Мучительно боюсь сильных и наглых, а если и даю сдачи, то лишь в мечтах.

И есть только одно, что отличает меня от других и возвышает над ближними, — та скрытая сила, что бродит во мне, иногда пугая и даже доводя до слез. Но и утешая в то же время, придавая значимости моей, в принципе, никчемной жизни. Даже составляя предмет тайной гордости «такого феномена, как В. Мессинг».

Я ощущаю свой дар как святониспосланную благодать, хотя, наверное, любая способность, выходящая за рамки среднестатистического явления, несет в себе и благое, и дурное.

Я могу читать мысли и даже видеть будущее, могу внушить то, чего нет, вот только не стану от этого ни полубогом, ни полудьяволом.

¹ *Примечание израильского редактора.*

² В. Мессинг родился в Гура-Кальварии Варшавской губернии (*прим. израильского редактора*).

Человек ведь не меняется, обретя некие способности. Он остается тем же серым и трусливо вождедеющим существом, каким и был.

В теории сила, коей я обладаю, способна приблизить меня к скромному могуществу. Разве не могу я внушить девушке любовь и страсть, чтобы она с радостью и желанием отдалась мне? Могу.

Вот только будет это не чем иным, как изнасилованием.

Могу заставить ростовщика отдать мне чемодан с деньгами. Это будет воровство.

А я не хочу быть ни вором, ни насильником. Тешить беса — против моих правил. Я сам провел черту дозволенного и никогда не переступлю ее. Аминь.

Подумал сейчас, что меня наверняка будут спрашивать, отчего же я, пророк и чудодей, повелевающий силой своего духа, не воспротивился призыву в армию? А оттого, что больше всего на свете хочу быть как все: не читать чужие мысли, не прозревать грядущее, не двигать по столу бокал вина энергией мозга.

Не хочу я этого! Боюсь! Мне неуютно в собственном теле!

Мои желания могут показаться примитивными, они и вправду таковы — мне бы просто жить и работать, жениться, завести детей, встречаться по вечерам с друзьями, пропуская рюмочку-другую.

Но нет! Неумная сила ворочается во мне, не давая покоя, выделяя из рода человеческого — и отделяя от него.

Оттого я такой нервный, вспыльчивый, раздражительный.

Оттого не думал даже увильнуть от службы.

Да, да! Хотел, чтобы все у меня было как у людей.

Призывают сверстников в армию? Стало быть, и мне с ними.

Тем более что угодил я не в строевые части, а в санитары.

Какой-то спесивый служака, ведавший распределением новобранцев, процедил, глянув на мою худобу: «Еврей — не солдат!»

Ну, в чем-то он был прав: сражаться за Великую Польшу, дабы раскинулась она «от можа до можа», я не имел ни малейшего желания. Чего ради я буду убивать русских или малороссов? Они мне ничего плохого не сделали.

А через год мне светит демобилизация — мне это ведомо.

Одному мне.

* * *

Позволил себе недопустимое — огрызнулся на капитана Журека...

*Следующая страница вырвана*¹.

2 июня

В санитарной части объявились три солдата и поручик. Приказали мне собраться — и на выход. Грубо так вздернули за шиворот да пинка отвесили — шевелись, жидовня!

А я не понимал — за что? Куда это меня, да под конвоем?

Суетливо хватая пожитки, я прокручивал в уме всякие варианты — ничего не сходилось. Кроме одной, самой непротиворечивой версии: санитар Мессинга приняли за русского шпиона!

Когда меня доставили на вокзал и наподдали прикладом, «подсаживая» в вагон, я почти убедился в верности своей догадки: мы направлялись в Варшаву.

Разумеется! Ведь именно там, на Саксонской площади, стоит Генеральный штаб, а в его недрах прячется «дефензива»².

Мое видение будущего никак не разнилось с этой версией, разве что вселяло надежду — меня не расстреляют. Может быть...

Ведь судьбу не изменишь до тех самых пор, пока она остается неизвестной тебе. Как обманешь рок?

Начнешь вести себя «непредсказуемо»? Изменишь своим привычкам? Выберешь для прогулок другие улицы? А откуда тебе знать, что сказано в Книге Судеб? Может, как раз твои «непредсказуемые» фортели и описаны на ее желтых пергаментных страницах?

Но как только становится известно, что тебе суждено, ты легко обретаешь редчайший, небывалый шанс объегорить судьбину, выобрать иную долю. Однако выбор этот скрывает в себе не только вероятное добро, но и зло — уберегшись от уготованной тебе беды, ты сам накликаешь на себя иное несчастье. Ирония судьбы!

¹ *Примечание израильского редактора.*

² Контрразведывательное отделение «двуйки» — Второго отдела Генштаба Войска Польского, занятого военной разведкой (*прим. израильского редактора*).

3 июня, Варшава

С варшавского вокзала меня отконвоировали в Генштаб, чего я и боялся, где передали какому-то полковнику. Полковник назвался Эугениушем Скшиньским, он расточал любезные улыбки и даже велел накормить меня, что было очень кстати — в вагоне я грыз галеты, твердые, как кость, да запивал их горячей водой, убеждая желудок, что он имеет дело с душистым чаем.

Настроение у меня поднялось, а час спустя, когда мою персону доставили в Бельведерский дворец, я и вовсе повеселел¹. До меня наконец дошло, по какой такой надобности я потребовался в Варшаве. Меня хотел видеть Пилсудский!

Надо полагать, «начальнику государства» нужен был не двадцатилетний санитар, а «польский Калиостро» — хоть мои выступления в берлинском паноптикуме и в цирке Буша не принесли мне мировой славы, но интерес у «почтенной публики» возбудили-таки.

Ожидая «аудиенции» в огромной приемной, я не волновался. Успокоился. Смерть мне грозить перестала, а уж маршала я как-нибудь распотешу.

Признаться, я поражался, до чего же изворотливо оказалось шляхетское чванство — поляки пели осанну «Первому Маршалу Польши, Создателю возрожденного польского государства, Воскресителю Войска Польского, Великому Вождю и Воспитателю народа»!

Да, так и писали газеты, захлебываясь от верноподданнических чувств. «Великий, мощный, молчаливый, будто сфинкс, погруженный в раздумья, выкованный из гранита. Маршал Юзеф Пилсудский — любовь и гордость народа!»

И вот он передо мною, «Великий Вождь»: меня провели в большой кабинет, где за столом сидели два длинноносых генерала, незаметный человек в штатском и он, маршал Юзеф Пилсудский.

В обычной своей серой куртке стрелка и серо-голубой фуражке-мацеювке, с пышными черными усами и тяжелым взглядом из

¹ Не совсем ясно, почему в мемуарах Мессинг не упоминает Бельведер. Возможно, не счел нужным уточнять, где именно произошла встреча с Юзефом Пилсудским (*прим. израильского редактора*).

под насупленных бровей, маршал больше всего напомнил нашего соседа в Гуре, арендатора Здзислава. Тот такой же был — крепкий, основательный и властный.

Взгляд у Пилсудского был не просто тяжел. Он, чудилось, гнул и ломал, подавляя волю. Смотреть маршалу прямо в глаза было трудно, но я смог.

Видимо, ему это понравилось — в выражении маршалского лица я прочел одобрение.

— Я слышал о вас от Витольда, — сказал Пилсудский и сделал небрежный жест рукой, — это дипломат¹. Он был на вашем концерте в Варшаве. Вам удалось удивить Витольда, а это, скажу я вам, непросто. Вы читали мысли... Как вы это делаете?

— Не знаю, — честно признался я. — Представьте себе страну слепых, куда попадает обыкновенный зрячий. «Как вы можете видеть предметы, не пощупав руками?» — спрашивают слепцы. «Да я просто вижу их!»

— А что значит «вижу»?

— Хотел бы я знать...

— Ну, это ничего, — добродушно пробурчал Пилсудский. — В отличие от Витольда не я хожу на ваше выступление, пан Мессинг, а вы пришли ко мне. Хотя найти вас было нелегко, вы хорошо спрятались! — Устроившись поудобнее, он продолжил: — У меня пропал серебряный портсигар, но не в цене дело — он дорог мне как память. Найдете его?

Я глубоко вздохнул. Обычно, когда человек, которого я жду, или любой прохожий, еще далеко, но приближается ко мне, я слышу... Нет, не так. Я каким-то образом ощущаю его мысли, они становятся слышны мне как бы в голове — о, это очень трудно описать, а объяснить еще труднее.

Сначала мысль воспринимается как неразборчивое бормотание, но чем ближе человек, тем яснее его «голос».

Но когда я иду в толпе или стою на сцене перед переполненным залом, мысли сотен людей путаются друг с другом, мешаясь в пре-

¹ Витольд Йорко-Наркевич (1864–1924) — польский революционер, политический деятель, публицист, дипломат. В 1920–1921 годах исполнял обязанности польского посла в Стамбуле (*прим. израильского редактора*).

рывистый гул, вычленишь из которого одну отдельную телепате му очень и очень трудно.

Иногда мне это удастся, помогает настрой и сосредоточение, но легче всего просто взять человека за руку — телесный контакт как бы замыкает этого зрителя на меня.

В кабинете сидело всего четверо, но я здорово устал, разнервничался — как тут сконцентрируешься? А просто так подойти к маршалу и шляхтичу и взять его за руку?

Еврей-санитар в мятой форме лапает Великого Вождя!

Да еще через стол... Я внутренне содрогнулся.

И вспомнил почему-то доброго, хоть и настырного профессора Абеля, которому я был обязан тем, что стал выступать с «психологическими опытами».

Абель, как и всякий немец, был материалистом. Он с ходу отверг мои идеи о психодинамическом поле мозга, назвав их завиральными и дилетантскими. «Энергия мозга вытягивает едва на 12 вольт, о каком поле может идти речь?» — горячился он.

Я не спорил с ним и кротко соглашался.

«Это не чтение мыслей, — уверял меня Абель, — а, если так можно выразиться, «чтение мускулов»... Когда человек напряженно думает о чем-либо, клетки головного мозга передают импульсы всем мышцам организма. Их движения, незаметные простому глазу, тобою легко воспринимаются, Вольф. Да, ты часто выполняешь мысленные задания без непосредственного контакта с индуктором. Здесь указателем тебе может служить частота дыхания индуктора, биение его пульса, тембр голоса, характер походки...»

Я только кивал, словно китайский болванчик. Да, конечно, наблюдательность — это важно. Зачем зря «расходовать нерв», когда румянец на щеках, испуг или невольное движение «дают подсказку»?

Вот и генералы, составившие компанию Пилсудскому, позволили мне «прочитать их мускулы» — каждый из них хоть раз да глянул влево. Там висела портьера, задергивавшая высокое окно.

Я молча прогулялся к окну, и отдернул портьеру.

— Вот ваша пропажа, пан маршал, — сказал я, передавая Пилсудскому тяжелый портсигар с гравировкой.

Маршал хмыкнул только, убирая «пропажу» в карман.

— Говорят, вы и будущее прозреваете, пан Мессинг? — сощурился он.

— Иногда, пан маршал, — сдержанно ответил я, догадываясь, какой вопрос последует.

Шла война с Советской Россией, и поляки то переходили в наступление, то поспешно отступали.

Пилсудский носился с идеей Междуморья, рыхлой конфедерации Польши, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии и Финляндии. По сути, это была все та же старая мечта о Речи Посполитой, раскинувшейся «от моря до моря», поэтому-то сей проект был встречен весьма кисло всеми, кроме поляков.

А вот у Ленина размах был куда большим — Земшарная республика Советов! Он потому и немцам полстраны отдал с легкостью: знал, что скоро Красная Армия перейдет в наступление и вернет не только Украину с Прибалтикой, но и Польшу. И в Берлине зареет красный флаг, и в Париже, и в Лондоне...

Конники Буденного и красноармейцы Тухачевского шли в бой с одним залихватским девизом: «Даешь Европу!»

Это был сильный противник, однако польские генералы относились к командарму с презрением: дескать, что нам какой-то бывший поручик, вылезший в «красные маршалы»!

— Чем закончится война с Советами? — прямо спросил Пилсудский.

— Войско Польское скоро победит, — ответил я осторожно, — но до этого полякам придется отступить чуть ли не до самой Варшавы. Тухачевский, хоть и допустит тактическую ошибку, очень опасен.

— Это мальчишка! — фыркнул один из генералов. — Поручик! Он всю войну просидел в плену у немцев! Откуда ему было набраться опыта?

— Тухачевскому ни за что не удастся выбить наши полки из Киева! — надул щеки другой.

Я сдержался и промолчал, хотя обида жгла меня: оба чина смотрели на меня с глумливыми усмешками, и даже не телепату были ясны мысли этой парочки в генеральских погонах — дескать, жиденок-шарлатан случайно нашел портсигар, а теперь дурит нам головы всяким вздором.

Тогда я ощутил некую внутреннюю щекотку — мне до боли, до содроганья захотелось совершить маленькую месть и проучить генералов, отстегать их за глупый гонор и заносчивость.

Я был раздражен, да что там — взбешен. Обычно сильные эмоции мешают мне сосредоточиться, но холодная ярость, напротив, удесятерит мою силу.

Хватило нескольких секунд.

— Пан маршал, — спросил я, — могу ли я сказать кое-что почтенным панам?

Пилсудский был хмур и задумчив и лишь кивнул.

Глядя в глаза тому из генералов, что сидел ближе ко мне, я сказал:

— Пан генерал зря скупает акции украинских сахарных заводов. В Киеве, Житомире, Херсоне и Одессе будут править большевики.

Лицо у генерала забавно вытянулось, челюсть у него отвисла, выказывая крупные зубы, желтые от курева, а смотрел ясновельможный пан на меня так, словно увидал перед собой ожившего покойника.

Переведя взгляд на генерала, сидевшего поодаль, я проговорил:

— Пани Малгожату смущает разница в возрасте, сильно смущает.

Чин побагровел и закусил пегий ус, а Пилсудский хмыкнул.

Ему понравилось, как я уел офицеров.

Штатский не думал обо мне плохо, ему я ничего не открывал, но он сам не сдержал любопытства. Поерзав, штатский вежливо спросил:

— А мне вы не можете что-нибудь... э-э... сказать?

— Пусть почтенный пан не беспокоится насчет своей дочери, — ответил я. — Она непременно поправится. Ей уже лучше.

Увидеть больную девушку, лежавшую в постели, было легче всего — передо мной сидел отец, переживавший за ее здоровье.

— Как он мог узнать, что моя Басюня больна?! — воскликнул человек в штатском.

Насупленные генералы промолчали, а Пилсудский попросил оставить нас одних. Все покинули кабинет, и маршал спросил:

— Пан Мессинг, вы можете открыть мне мое будущее?

— Попробую, — сказал я без большой уверенности, поскольку прилив силы вполне мог смениться спадом.